

Николай Шамрин

Баба Маша

16+

Николай Шамрин

Баба Маша

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64322632

SelfPub; 2021

Аннотация

Эту историю поведала мне моя квартирная хозяйка накануне моей командировки в Афганистан. Именно поэтому, я взял на себя смелость включить работу в свой "афганский" цикл. Я уверен, что рассказ будет интересен тем читателям, для которых память о Великой Отечественной войне является святым понятием. Судьба этой простой русской женщины глубоко взволновала меня и заставила по-новому взглянуть на окружающих меня людей. Светлой памяти всех женщин, прошедших ту войну, посвящается...

Николай Шамрин

Баба Маша

Ох, много, мои матушки,
И слез я пролила,
И знала горя горького,
И нужд перенесла!
Тут бог послал безвременье...
И.С. Никитин

В армии любят шутки и юмор. Где-то там, в высоких штабах, какой-то «шутник» решил, что призывать резервистов и проводить дивизионные учения лучше всего зимой. Наверное, эта идея пришла ему в голову, когда он стоял у окна тёплого кабинета и наблюдал за пушистыми снежинками, падающими на тротуары улицы Фрунзе. В этом году середины января выдалась, если не суровой, то, по крайней мере, весьма холодной. Во всяком случае, старожилы, приехавшие в Восточную Пруссию в далёком 1946 году в первых эшелонах переселенцев, не могли вспомнить такую же зиму. Всю ночь я провёл на полигоне, подготавливая войсковое стрельбище к боевому слаживанию подразделений нашего полка. Наконец, проверив работу подъёмников последней мишенной линии, я влез в тёплую кабину 157-го и, подышав на ле-

дяные пальцы, охрипшим голосом бросил водителю:

– В полк.

Водитель, из «партизан» орядра, упитанный мужчина лет сорока, покачав головой, с сильным литовским акцентом предложил свой вариант:

– Поздно уже, капитан, давай, я тебя домой отвезу, заболеешь ещё...

У меня давно пропало желание обучать рядового-приписника азам субординации, поэтому я просто ответил:

– Не стоит. Рядом с полком живу, через забор, так что в любом случае домой везёшь. А мне ещё комбату докладывать.

Литовец пожал плечами, мол, тебе виднее, и, включив передачу, плавно тронул «ступу» в сторону центральной дороги полигона.

Комбат устало посмотрел на меня:

– Притомился? Выпьешь? С устатку, да не емши...

Я тяжело опустился на табуретку:

– Нет, вымотался, даже аппетит пропал.

Майор согласно кивнул головой и убрал початую бутылку «Пшеничной» в тумбочку канцелярского стола:

– Может оно и правильно... докладывай, что со стрельбами?

Я вытащил из кармана пачку сигарет и вопросительно посмотрел на командира, тот вяло кивнул:

– Чего там... кури на здоровье. – Затем поднялся и, подойдя к окну, в сердцах заговорил о наболевшем. – Сегодня последнюю партию «партизан» принимали из Паневежского района. Достали эти лабусы, все, как один пьяные, с трудом переодели и угомонили. Честно сказать, даже не знаю, как этим стадом почти месяц управлять. Да и замполит полка не к месту встрял, мол, подстригать насильно нельзя, только по желанию. Ему-то что, прослыл у приписников «отцом», а нам командиру полка батальон показывать. Комиссар-то и слова не скажет, что сам глупость сморозил, в стороне останется. Опять мне «гвозди» задницей выдёргивать...

Я сочувственно посмотрел на начальство. По большому счёту, комбат, вовсе и не был «комбатом», просто исполнял обязанности до прибытия нового командира. Не знаю почему, но командир полка с первых минут невзлюбил несчастного Алексея Алексеевича и на каждом совещании никогда не упускал случая «вставить» ему «по первое число».

Затянувшись табачным дымом, я, как мог, постарался успокоить начальника:

– Справимся. Одного-двух, самых буйных, отправим домой с «волчьей» отметкой, другие успокоятся. Да и запасы алкоголя у них не бездонные. Кстати, надо бы срочников оградить от общения с партизанами. Мужикам-то по сорок лет, от семей оторвались, вот и «отдыхают» на всю катушку. Мало ли... до драки, конечно, не дойдёт, но, бережёного и партком бережёт.

Майор с досадой посмотрел через плечо в мою сторону:

– Тоже мне, советчик! Уже переселили в отдельные кубрики... Ты, время не тьяни, командир полка назавтра строевой смотр назначил. Экипировку «партизанскую» проверять будет. Так, что, готово стрельбище?

Затушив сигарету, я посмотрел на ссутулившуюся спину Алексея Алексеевича и, зачем-то выдержав паузу, доложил:

– Поле подготовил. Целых два участка, так что пехота отстреляется без проблем. С гранатомётчиками посложнее будет: одна тележка слетает с колеи. Мы грунт подсыпали, но, думаю, что ненадолго хватит. Только не пойму, почему я, командир роты, должен был ехать и, вместо приёма приписного состава, в «полях» погибаться? У тамошнего начальника штат полный.

Комбат вернулся за стол и резко пресёк крамолу:

– Хватит, а? Кто-то из штабных доложил командиру, что ты специалист по мишенной обстановке, вот он и подстраховался. Это тебе по прибытию из ЗабВО, не надо было языком трепать о своих «достоинствах»!

Я не стал возражать, тем более что комбат был прав, просто решил поставить точку в разговоре:

– Начальник учебного центра просил передать, что мы должны сами подготовить пункты обогрева, у него, видите ли, топлива нет для «буржук».

Майор обречённо кивнул головой:

– Ладно, разберёмся, ступай домой. И чтобы к подъёму

был как штык! Там и познакомишься... с «приписным составом». Отдыхай.

Собственно, торопиться мне было некуда, жена и дочь уже как три недели назад улетели к теще, а хозяйка квартиры, баба Маша, с утра уехала на рынок в Шелуте, рассчитывая продать там свои швейные поделки. Пенсия хозяйки была небольшой, вероятно поэтому она и согласилась сдавать нам комнату в своей двухкомнатной квартирке. «Мой» дом, и впрямь находившийся за забором части, представлял собою кирпичное, двухподъездное строение в три этажа. Таких домов немало на этой окраине города. До депортации сорок шестого года, в них жили немецкие рабочие целлюлозно-бумажного завода, а сегодня здесь коротали свой век первые переселенцы и ветераны войны. Я не смог сразу открыть дверь подъезда: выпавший за вечер снег образовал сугроб у порога, а тепло коридорных батарей, оседая на металлических деталях конструкции, накрепко приклеило их друг к другу. «Соседи давно уже спят, – думал я, ногами расчищая крылечко, – ни одного следа нет. Целина, да и только». Наконец дверь поддалась, и в лицо ударил привычный дух тёплой темноты лестничной клетки. Лампочек не было: они либо перегорали от скачков напряжения, либо их выкручивал сосед, Юрий Иванович, живущий в квартире напротив. Хозяйка философски относилась к его проделкам: «Ты бы видел его лет тридцать пять назад... Леший, а не мужик, не

чета нонешним. Лом на спор согнуть мог. Пускай его... Пенсию пропьёт, лампочки перебьёт, спяну-то, а денег нет. Вот и выкручивает». Я, стараясь не стучать промёрзшими сапогами по деревянному полу, подошёл к двери и уже попытался вставить ключ в замочную скважину, как дверь отворилась и на пороге меня встретила улыбающаяся хозяйка:

– Заходи, сынок, поскорее, не выстужай квартиру-то. Промёрз, наверное, до самых костей?

Я немного удивился приветливости бабы Маши. Вообще-то, лично у меня с ней сложились хорошие отношения, что, впрочем, не мешало ей периодически подчёркивать своё «хозяйское» положение, а вот Сашу она откровенно недолюбливала. Может невольно завидовала её молодости, а, может были и другие причины. Бабские. До открытых противостояний дело всё-таки не доходило, а на мелкие склоки я старался не обращать внимания. Зачем? Всё равно, лучшего варианта в городе мы так и не смогли найти. Квартира и впрямь, неплохая, правда ванны и горячей воды нет, зато центральное отопление и туалет есть. Я стянул сапоги, повесил бушлат на вешалку и, ополоснув лицо и руки холодной водой, направился было в свою комнату, как из кухни раздался голос хозяйки:

– На кухню проходи, ужинать будем.

Я удивился ещё сильнее: одним из условий нашего проживания, баба Маша определила полную автономность в приготовлении еды. «Вот, что, ребята, – говаривала она, при-

нимая плату за месяц, – деньги я с вас беру по-божески, так, что, не обессудьте: готовить-кормить не буду, и с ребёнком тоже сидеть не стану. Даже за плату. Ваше дитё, вот сами и справляйтесь. Ну и на мой хлеб-соль чтобы не рассчитывали». Памятуя о её, не всегда тактичных высказываниях, я попробовал возразить:

– Баб Маш, устал я, намотался за день и замёрз, как собака. Пойду спать лягу. Рано вставать завтра.

Хозяйка появилась в дверях кухни:

– Ты мне это брось... Зря что ли ждала и готовила? Заходи. Я борща наварила, с мясом. Ты – мужик, да ещё с мороза, тебе мясо есть надо, а выспаться завсегда успеешь.

Может быть от домашнего тепла, а может, и от необычности её поведения, но я вдруг почувствовал сильный голод. Баба Маша, между тем, не успокаивалась:

– Ишь, ты, устал... Мужик, на то и есть мужик, чтобы работать и мясо есть. Голодный мужик, это вовсе и не мужик, а так... хрен тошальный.

Такого напора не выдержал бы никто, ни один «мужик» не хочет выглядеть в глазах женщины, пусть даже и пожилой, «тошальным хреном». Делать было нечего, я прошёл на кухню и присел у стола. Баба Маша хлопотала у плиты:

– Сынок, ты не знаешь, чего это газ, еле-еле из конфорки идёт? Может от мороза? Такой-то зимы и не упомню...

Я согласно кивнул головой:

– У нас ёмкости во дворе на открытой площадке стоят.

Вот газ и густеет. А, что?

Видимо хозяйке пришлась по душе моя рассудительность:

– Видать, так и есть. Уже полчаса грею кастрюлю, я её за окошком держала, вот борщ и заледенел. Ничего, сейчас разогреется.

Присев за стол напротив меня, она со счастливой улыбкой на лице поделилась своими успехами:

– Я-то, в Шелуте, быстро всё распродала: и фартуки, и ночные, прости, Господи, сорочки. Влёт расхватали, – она поправила очки с толстенными линзами и гордо добавила, – даже очередь была, совсем как за водкой у нас в «угловом». Пятнадцать рубликов заработала, почитай, полторы пенсии! Чувствуешь запах? Борщ разогрелся... Сейчас разолью по мискам и ужинать будем. Я тоже проголодалась, без тебя есть не стала. Дожидалась.

Баба Маша разливала дымящийся борщ по тарелкам и, видимо истосковавшись по душевным разговорам, продолжала делиться впечатлениями от поездки:

– Они, литовцы, как будто в другой стране живут, всего-то у них в достатке: в гастрономах спиртное стоит свободно, наши ведь, тудой ездят, за водкой, мясо – пожалуйста, сколько хочешь, столько и бери... Я, мясо-то покупать не стала, дороговато выходит, суповой набор взяла для шей, борща, то есть. А там, не кости, а сплошная мякоть на рёбрах. Если бы к нам, в «угловой», такое бы завезли, то народ в очереди бы передрался. А там, нате, будьте любезны...

Она поставила на стол тарелки и чашку со сметаной:

– Сметана, тоже литовская, из Юрбаркаса... ты накладывай, накладывай, не стесняйся. А всё почему? А потому, что для себя живут, лабусы-то, для себя. И всё у них есть.

Баба Маша всплеснула руками:

– Что-то совсем старуха заболталась! Ты ведь с холодрыги, а я тебя разговорами потчую. Сейчас, – она поднялась и, слегка переваливаясь с ноги на ногу, подошла к шкафчику. Достав бутылку «Зубровки», вернулась на место, – тебе же с мороза согреться надо!

Я с сомнением посмотрел на неё:

– Баб Маш, мне вставать рано...

Хозяйка не стала слушать:

– А ты, не спорь, с холодов водка только на пользу.

Проснёшься как миленький, и не поймешь, пил или нет.

– Да не могу я один...

Баба Маша по-девичьи хихикнула:

– Дык, я с тобой и пригублю. За ради компании.

Она разлила спиртное по гранёным стаканам: себе – на доньшке, мне – до краёв:

– Ты не смотри, я в молодости выпить-то любила. С мужьями по праздникам.

Я с удивлением посмотрел на женщину. Честно говоря, мне и в голову не приходила мысль, что у неё в жизни могли быть «мужья». Правда, Саша как-то сказала мне, что у бабы Маши вроде бы роман с Юрием Ивановичем, но я лишь

недоверчиво хмыкнул и тут же забыл. Сейчас мне по-настоящему стали интересны подробности её жизни. Решив подержать разговор, я задал, может быть, не очень тактичный вопрос:

– А почему у вас пенсия такая маленькая? У моей бабы Ули, что в Сибири жила, восемь рублей была. Но она в колхозе никогда не работала, потому и пенсия такая.

Очевидно, ей понравилась моя заинтересованность. Женщина кивнула головой и, подняв стакан, предложила:

– Давай выпьем, а то тебя по сю пору лихоманка бьёт. Закусим борщиком, а потом и расскажу.

Выпили. Я с наслаждением стал есть наваристый суп, а хозяйка, пригубив глоток, задумчиво и ласково смотрела на меня. Вздохнув, и не дожидаясь пока я расправлюсь с едой, она вновь наполнила мой стакан до краёв и заговорила, как бы про себя:

– Вот ты говоришь, что Ульяна в колхозе не работала, а скольких детей она вырастила?

Я, прервавшись на пару секунд, ответил:

– Четверых... батя мой, третьим у неё был.

Баба Маша покачала головой:

– А ты думаешь, легко четверых родить и на ноги поставить? Эх... бабий труд и оценить-то невозможно. А в деревне, тем более. А, ежели война? Всё не в счёт. Мужики на фронте, а всё хозяйство на женских плечах. Я вот тоже, четверых родила и вырастила: старшего – Толика, от первого

мужа, а троих, от Серёги, второго мужа. Сергей не разрешал на работу выходить, мол, детьми занимайся. Он-то хорошо зарабатывал... А как на пенсию возраст вышел, так и оказалось, что стажа у меня только на одиннадцать целковых и набралось.

Я смутился и, невольно оправдываясь, ответил:

– Вы же мне никогда не рассказывали о себе... Я и не знал.

Хозяйка пожала плечами:

– Так я не в укор. Ты на службе, а Саша... ей не интересно, она дитём занимается, своих дел хватает. Ты выпей, чтобы простуду придавить, нельзя тебе сейчас болеть. Ученья у вас.

– А где муж ваш? Второй, я имею ввиду.

– Помер, уже лет десять как. Слава Богу, сыновья к тому времени уже выросли и в люди пошли, иначе я бы не дожидка до сей поры.

Мне и в самом деле стала интересна судьба этой женщины. Мы обретаемся в своей жизни, полагая для себя, что она, наша жизнь, является каким-то особенным, отличным от других, событием. Наши беды, радости, разочарования и успехи, кажутся нам самыми главными и необычными успехами и неудачами. Никогда не верил людям, говорившим, что-то вроде: «Живу, как все», потому как знаю точно: «все» живут по-разному, но и лезть в чужую душу, без спроса, тоже нельзя. Ну живёт себе старушка баба Маша, ну, сдала нам комнату по «божеской» цене, строчит на старом «Зингере», ходит в церковь и ещё куда-то... Ну и что? Всё, как у всех?

Ан, нет, коснёшься чей-то судьбы, чуть-чуть, практически вскользь, а окажется, что и «те», «другие», живут необыкновенной, неподсудной никакому судье, жизнью. Я сделал глоток и посмотрел на хозяйку. Она, как будто ждала моего вопрошающего взгляда:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.